

Слово редактора

СОВЕТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАЗУМ И ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗДАРНОСТИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье применяется концепт когнитивного сопротивления для анализа отношения между интересами населения России и интересами российского государства. Материалом служит капитальное исследование Д. Ливена. Показано, что описание сходств и различий между царской Россией, СССР и Османской империей нужно для того, чтобы при проведении реформ выработать механизмы противодействия всем прямым и косвенным элементам такого сходства с одновременным преодолением всех свойств советского режима. Автор ставит проблему теоретического обоснования отказа современной России от царской идентичности, советской идентичности и сложившихся в Советском Союзе способов связи советской идентичности с царской. XX век обострил проблему бездарности политических лидеров России. Все циклы модернизации России закончились поражением, несмотря на промежуточные военные победы. Россия до сих пор не смогла догнать развитые страны Запада. Это свидетельствует о крахе попыток осуществить в России революции, реформы и модернизации сверху.

Ключевые слова: когнитивное сопротивление, темпорально-пространственные формы русского и советского государственного разума.

Формулировка проблемы

В предыдущих статьях я описал основные элементы концепции государственных интересов М. Фуко [Макаренко 2015а; Макаренко 2015б]. Концепция Фуко позволяет рассматривать правительство, государственные интересы и суверенитет как клубок противоречий между правительством и населением, обусловленных влиянием отношений власти-собственности на современную форму государств вообще, а российского государства в особенности [Нуреев 2006]. Данную концепцию можно использовать в критическом, методологическом и содержательном анализе всех модификаций и трактовок государственных интересов и суверенитета, которые сложились в СССР и существуют в современной России [Мишель Фуко... 2016]. Эти модификации и трактовки остаются персонализированными, поэтому вершина политической иерархии навязывает населению страны свое видение конституции и политической реальности, включая все направления внутренней и внешней политики [Краснов 2006].

Данные направления бюрократизированы, из-за чего политическое руководство и подчинённая ему государственная машина ведут страну в тупик [Хайтун 2016]. Публичной дискуссии (в смысле Ю. Хабермаса) о всей системе формулировки и адекватного выражения государственных интересов в стране до сих пор не было. Значит, есть ряд причин применить концепт когнитивного сопротивления к отождествлению интересов населения России с интересами российского государства [Олейник 2012].

В дискуссиях российских историков, международных и политологов показано, что на протяжении последних 150 лет интересы государственного аппарата России (в ее монархической, советской и постсоветской политических формах) все более расходятся с интересами населения страны и одновременно подавляют эти интересы [Национальные интересы... 1996; Концепция национальных интересов... 1996; Национальные интересы... 1997]. Задача публицистики, искусства и социальных наук — выявить и описать конкретные способы расхождения и подавления, а также приёмы блокировки противоположности между интересами всех поколений жителей СССР и интересами данного аппарата.

При реализации данной задачи я исхожу из постулатов: в истории Европы главным злом были материальные интересы и конкуренция в ее разновидностях гражданского и демократического государства [Хиршман 2012; Макаренко 2000]; в истории России главным злом были и остаются отношения «власти-собственности», поскольку они всегда определяли политарный (азиатский) характер российского государства, которое с помощью властно-управленческого аппарата до пор господствует над материальными интересами и социальными институтами [Семенов 2008]. Аналогичную когнитивно-аксиологическую установку можно также извлечь из работ В.А. Подороги, в которых показано, что на протяжении XX в. в России было реализовано абсолютное зло, нашедшее свои формы воплощения и в постсоветской России [Подорога 2015].

В статье указанные постулаты будут развиты на основе анализа книги Доминика Ливена. Он определил русский государственный разум как безжалостный механизм для мобилизации человеческих и материальных ресурсов общества ради обеспечения государственных приоритетов и задач. В предыдущей статье были реконструированы основные элементы данного механизма до революции 1917 г. и показал рост их актуальности по мере того, как правительство России и его идеологи заимствуют у царской России образцы политического устройства [Макаренко 2016]. Безжалостный механизм советского государственного разума после революции 1917 г. описывается Ливеном в процессе анализа нескольких проблем: царское наследство Советского Союза; сравнение СССР с Османской, Австро-Венгерской и Британской империями; угасание и распад советской империи. Я ограничусь обсуждением проблем царского наследства и османороссийской компаративистики.

Царское наследство

Советский Союз — территориальный наследник царской России. Но он вступил в наследство не по добровольному согласию между Российской империей и РСФСР, а в результате вооружённого захвата власти большевиками. Ливен иллюстрирует их позицию взглядами Ленина¹. Тот не верил, что социализм сможет удержаться в одиночестве среди капиталистических стран. В центре Европы располагалась Германия, в которой была самая сильная соци-

¹ Ленин полагал, что захват власти в России есть первый шаг на пути к мировой революции; отсталость России по сравнению с другими великими державами ослабит сопротивление сторонников капитализма; Россия — наиболее слабое звено в цепи капиталистических стран и самое подходящее место для начала мировой революции; пример России в сочетании с послевоенным хаосом и разрухой приведёт к революциям в ведущих капиталистических странах.

алистическая партия. Поэтому Ленин считал, что при успешной революции в Германии последняя станет центром мирового социализма и поможет отсталой России.

Ливен показывает иллюзорность этих надежд. По его мнению, даже при успехе революции в Германии советские правительства Германии и России преследовали бы совершенно противоположные интересы, поскольку уже до 1914 года между русской и немецкой социал-демократиями существовали серьёзные разногласия. Аргументом в пользу своей позиции Ливен считает следующие факты: марксистские интеллектуалы и революционеры в Германии и в России были сильными личностями, отвергали компромиссы, не желали смягчать разногласия и были готовы любыми способами отстаивать свои убеждения; марксизм базировался на традиции иудейского монотеизма, в котором разногласия возникают вокруг спорных мест доктрины; идейные разногласия между российскими и германскими марксистами способствовали территориальным размежеваниям, поскольку разные направления марксизма поддерживались его политическими фракциями с собственными базами власти; со временем соперничающие доктрины и политические режимы усваивали особенности местных политических и культурных традиций.

Все это произошло с мировым коммунистическим движением после Второй мировой войны, едва коммунистические режимы появились вне досягаемости советской военной машины (в Белграде и Пекине). И сразу возникли противоречия между советским, югославским и китайским вариантами построения социализма. Иначе говоря, Ливен сдвигает конфликт между СССР, Югославией и Китаем на тридцать лет назад. «Есть все основания полагать, что похожий процесс имел бы место десятилетиями раньше, если бы после 1918 года самостоятельные центры власти возникли бы в Москве и в Берлине» [Ливен 2007: 464]².

Но германская революция потерпела поражение, Россия осталась в одиночестве. В 1924 году стало ясно, что в ближайшем будущем в Европе не будет социалистических революций. Ответом на ситуацию стала сталинская теория «построения социализма в одной отдельно взятой стране». Она не означала отказа от мировой революции, а была признанием временной невозможности мировой революции. Поэтому главной задачей была провозглашена защита Советской России как базы будущей мировой революции и развитие ресурсов страны.

В этом пункте Ливен снова акцентирует свою позицию: если рассматривать защиту и развитие государства как главную задачу, то неизбежно придётся принять традиционные приёмы (силу) и геополитические цели внешней политики царской России (захват как можно большей территории). Для укрепления позиции Ливен приводит факты³ и констатирует:

² Правоту позиции Д. Ливена можно доказать резкой критикой Карлом Каутским и Розой Люксембург всей практики Октябрьской революции в России — и крайне ожесточёнными ответами В. Ленина и Л. Троцкого на эту критику. Так что словесное «оружие критики» вполне могло быть превращено в «критику оружием» революционной России со стороны германских марксистов, если бы они взяли власть. Но проблема требует дополнительных исследований, поскольку позиции Каутского и Люксембург в отношении целей и средств политической борьбы кардинально расходились [См.: Каутский 1922; Люксембург 1991].

³ Сталин говорил уже в 1921 г. ради оправдания агрессивной и аннексионистской политики Москвы в Кавказском регионе: «Кавказ необходим для революции, поскольку является источником сырья и продовольствия. А благодаря его геополитическому положению на стыке Европы и Азии, между Европой и Турцией, его экономические и стратегические сообщения приобретают первостепенную важность». Сталин во внешней политике руководствовался традиционными для царской России взглядами на территориальную экспансию, геополитические проблемы и силовые методы решения политических споров. Его министр иностранных дел Молотов утверждал, что «Сталин, как никто другой, понимал историческое предназначение и судьбоносную миссию русского народа — предназначение, о котором писал Достоевский: „... стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком... ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено“. Он верил, что когда-нибудь мировая коммунистическая система победит — и делал всё, возможное для достижения этой

«С прямотой, которая повергла бы в ужас даже министров Николая II, были провозглашены традиционные имперские принципы, связывающие воедино территориальную экспансию и грубую силу» [Ливен 2007: 465]⁴.

В 1920–1921 гг. стало ясно, что большевики хотят объединить под своей властью максимальное количество прежних территорий царской России. В 1921 году делегат Десятого съезда РКП(б) заявлял, что «трансформация России из европейской колонии в центр мирового движения наполняет сердца всех тех, кто был связан с революцией, гордостью и особым чувством русского патриотизма». Такая миссия советского режима привлекла и русских националистов. Большинству белой эмиграции тоже импонировала роль России как лидера мирового движения. Ещё бы: прежняя «падчерица Европы» (как писал Ф.М. Достоевский в XIX в.), самая отсталая и варварская из великих держав становилась лидером и воплощением прогресса!

К тому же сталинская теория построения социализма в одной стране базировалась на *оптимистической* посылке: социалистическая модернизация может быть успешной в изолированной России; модернизация пойдёт по некапиталистическому пути и сделает Россию богатым и сильным государством. Быть современными, сильными и уважаемыми в мире, при этом не становясь подобием Запада, — об этом мечтали поколения националистов в России, Западной Европе и США.

Короче говоря, государственный разум большевиков состоял в произвольном *соединении* элементов социалистических, имперских, националистических, прогрессистских и оптимистических целей, ценностей и мотивов деятельности производно от политической конъюнктуры и стремления удержать власть в своих руках во что бы то ни стало. Поэтому «революция не смогла отменить географию». Цитируя высказывание Троцкого, Ливен напоминает географический факт: Россия находится между Германией и Японией⁵.

Каковы же следствия соединения в государственном разуме большевиков совершенно различных целей, ценностей и мотивов деятельности ради удержания власти? Прежде всего это свидетельствует о вопиющем невежестве советских вождей, которые сознательно забыли мудрую констатацию В.О. Ключевского о «непримиримой враждебности» перечисленных целей, ценностей и мотивов (т.е., идеалов) и вытекающем отсюда затруднении целесообразного выбора [Ключевский 1987: 62]. С этой точки зрения история СССР может рассматриваться как клинический пример политического примитива. С первых дней существования Советского государства его руководители больше всего боялись коалиции капиталистических держав, желающих покончить с «родиной социализма». Москва руководствовалась идеей мировой революции и считала международную политику сферой конфронтации между капитализмом и социализмом, в которой любая неудача одной стороны автоматически приносит выгоду другой. Иначе говоря, главным следствием была поляризация многообразного мира. С этой точки зрения страх перед капиталистическим вторжением был оправдан, а Мюнхенское согла-

цели, — и тогда главным мировым языком, языком международного общения, станет язык Пушкина и Ленина». Молотов добавлял, что «моей задачей как министра иностранных дел было расширение границ нашей родины». [Ливен 2007: 465].

⁴ Бессмысленность захвата Россией как можно большей территории при отсутствии планов ее рационального упорядочивания и вытекающая отсюда противоположность между политико-административным устройством страны и реальными потребностями конкретных территорий доказана в современной урбанистике См.: [Глазачев 2011: 144–209].

⁵ В 1909 году военный министр В. Сухомлинов говорил французским союзникам, что любая угроза с востока уменьшит способность России контролировать германскую экспансию в Европе. В 1930-е гг. мощь Японии возросла по сравнению с 1914 г. Но для СССР германская угроза всегда была намного выше японской по причинам расстояния, числа населения и развитой экономики.

шение вполне могло выглядеть как согласие Англии и Франции на германскую экспансию на восток.

Ливен обращает внимание на сходство положения Сталина перед второй мировой войной и положения Николая II перед первой мировой войной. Сталин мог реализовать те же возможности, которые были у Николая II: искать защиту от Германии в союзе с Францией и Британией; отвлечь внимание немцев на запад, чтобы Германия, Франция и Британия истощили силы друг друга во взаимной борьбе, а Россия могла бы усилиться за счёт развития своих огромных ресурсов. Не придя к соглашению с западноевропейскими союзниками в 1939 г., Сталин сделал выбор, противоположный выбору Николая II — заключил договор с Гитлером.

Таким образом, следствием синтеза в государственном разуме большевиков противоположных мировоззренческих и политических ориентаций с целью удержания власти во что бы то ни стало был кардинальный факт политической истории XX века: руководители России/СССР совершили стратегическую ошибку во внешней политике в 1914-м и в 1939 годах [Ливен 2007: 468]. Таково главное доказательство бездарности политического руководства Российской империи и СССР. Независимо от намерений Николая II и Сталина оба ввергли страну в кровопролитную войну.

Этот вывод Ливена противоречит шаблонам советской историографии. Но его аргументы основательны. Царская политика блока с Антантой не смогла сдержать Германию — и в 1917 г. Российская империя рухнула. Следствием революции и распада империи стали гражданская война, голод, сталинская диктатура, гибель миллионов людей в России, нестабильность в Европе, приход к власти Гитлера и проблема обеспечения безопасности СССР, вставшая перед Сталиным после прихода Гитлера к власти.

В 1939 г. большинство британских, французских и немецких генералов полагали, что на Западном фронте возникнет патовая ситуация. Сталин уничтожил свой генералитет, но прислушался к мнению закордонных генералов — и тоже проиграл. Немцы победили Францию за шесть недель, после чего мобилизовали силы всего континента для войны с Россией. Политика Сталина привела к повторению наполеоновской угрозы 1811–1812 годов — то есть, к самому неблагоприятному варианту развития событий, которого царские государственные деятели пытались избежать в 1914 г. Подобно Александру I в 1812 году, Сталину в 1941 г. противостояла почти вся континентальная Европа, как и Александру I в 1812 г. Сталин смог победить, но расплатился за эту победу жизнями десятков миллионов людей.

С 1890-х гг. по 1945 г. в российской внешней политике основным стратегическим вопросом была германская и японская военные угрозы. Победа в 1945 г. сняла эту проблему с повестки дня на весь период существования СССР. В сознании советских лидеров США заполнили пустоту. Но создание ядерного оружия сделало войну рискованным предприятием, вероятность победы в котором стремилась к нулю.

Возникает вопрос: была ли решена после 1945 г. фундаментальная проблема сохранения российской империи? При ответе Ливен ссылается на факты и общие тенденции. После второй мировой войны СССР по-прежнему противостоял более богатым и сильным соперникам. Ядерное оружие сделало неконтролируемое применение военной силы крайне опасным. Поэтому на передний край силового противостояния вышла экономика⁶. Однако советский режим унаследовал от царской славянофильской интеллигенции антизападные настроения, превратил их в догму и противопоставил себя западному капитализму. Советская идеология обещала торжество коммунизма над капитализмом, и связывала легитимность советского ре-

⁶ В 1981 г. Брежнев утверждал: «Как известно, определяющим участком соревнования с капитализмом является экономика и экономическая политика».

жима с этим обещанием⁷. Отсюда Ливен делает первый принципиальный вывод: «Даже если баланс между военными, экономическими и идеологическими факторами мощи и претерпел с дореволюционного времени некоторые изменения, безопасность и выживание российской империи по-прежнему оставались в непосредственной зависимости от конкуренции с Западом» [Там же: 470].

Иначе говоря, все поколения советского руководства не решили фундаментальную проблему сохранения империи.

Циклы модернизации

Аргументом в пользу такого вывода является динамика российской истории от XVII в. до конца XX в., объясняющая социокультурные и политические причины бездарности руководства страны. Ливен анализирует долгосрочные цели политического руководства России/СССР. Они воплотились в трех циклах модернизации, каждый из которых был инициирован сверху руководством России/СССР с целью открыть перед страной возможности для конкуренции с великими державами Запада.

Первый цикл модернизации инициировал Петр I, который хотел «догнать и перегнать Людовика XIV». Вначале цикл был направлен на достижение равенства в военной мощи и административной эффективности со шведами. Главной задачей в этом цикле было стремление стать великой европейской державой в эпоху абсолютизма. Победа Александра I над Наполеоном показала всему миру, что цель достигнута. Но главным результатом победы в Отечественной войне 1812–1814 гг. стал консервативный режим Николая I: «Военная победа легитимизирует общественные институты и традиции, — пишет Ливен. — Она лишает социальные элиты и политических лидеров стимула приносить в жертву свои личные интересы и материальное положение ради будущих реформ» [Там же: 471].

В результате победы дворянская элита и царский режим сохранили и укрепили свою международную безопасность и престиж. Но одновременно потеряли стимулы ввязываться в дестабилизирующие радикальные перемены. Пока российские элиты почивали на лаврах, международная расстановка сил менялась не в пользу России по мере распространения индустриальной революции по Европе с запада на восток. Поражение в Крымской войне заставило правителей взглянуть правде в глаза, пробудило в высших классах реформистские настроения и позволило молодому поколению бюрократов-реформаторов взять власть в свои руки.

Второй цикл модернизации сверху начался во второй половине 1850-х гг. при Александре II и закончился в 1970-х гг. при Брежневе. Россия/СССР пытались догнать Запад в эпоху индустриальной революции. Победа Сталина над Германией в 1945 г. символизировала успех второго цикла. Однако режим Брежнева был подобен режиму Николая I. В основе обоих лежало ощущение своего могущества и безопасности международного статуса страны. Полки шли парадным строем, ордена и медали сыпались на грудь правителей, воспоминания о военных победах звучали в устах дряхлеющего руководства, как заклинания.

Здесь Ливен высказывает проницательное наблюдение. В последние два десятилетия некоторые историки пытались реабилитировать режим Николая I, подчёркивая трудные усло-

⁷ После революции Ленин и его товарищи ожидали победы в ближайшем будущем. В 1920-е гг. это рассматривалось как дело, достижимое при жизни одного поколения. Сталине пошёл на огромные жертвы ради строительства социализма, преодоления традиционной русской отсталости и опережения западных врагов. Хрущев в Программе Коммунистической партии 1961 года однозначно пообещал, что уже при жизни старшего поколения советских людей Советский Союз перегонит Запад и построит коммунизм — общество, основанное на материальном благосостоянии и изобилии.

вия, в которых ему приходилось править, и разумные меры, которые он принимал, чтобы заложить основы для будущей российской модернизации. «Было бы интересно посмотреть, — резонирует он, — смогут ли будущие историки хотя бы частично реабилитировать руководителей брежневской эпохи, показав, к примеру, что хотя бы кто-то из них представлял себе реальные опасности для существования советского режима лучше, чем их последователи» [Там же: 472].

Подобно николаевским столоначальникам, молодое поколение советской бюрократии при Брежневе с разочарованием следило за политическими геронтократами. Оно понимало, что перемены в международной экономике сдвигают баланс сил не в пользу России.

Время этих деятелей пришло при Горбачеве, когда был начат третий цикл модернизации, призванный доказать, что Советский Союз по-прежнему остаётся великой державой даже в эпоху микрочипов и компьютеров. Это привело к распаду СССР и окончательному откату России в группу стран второго мира.

Общая закономерность такова: все циклы модернизации России закончились поражением, несмотря на промежуточные военные победы. Во всех случаях молодое поколение бюрократии пыталось осуществить реформу. Но Россия до сих пор не смогла догнать развитые страны Запада.

Сходство Российской империи и Советского Союза

Обзор трех циклов модернизации России позволяют Ливену зафиксировать *параллели* между царской и советской империями. В историографии существует шаблон о сходстве деспотических методов правления Сталина и Петра I, которые они использовали для мобилизации людей и ресурсов ради экономической модернизации и усиления военной мощи России. Шаблон восходит к словам Ленина, высказанным в 1918 г., о том что надо использовать диктаторские приёмы для того, чтобы ускорить перенимание западничества варварской Русью, «не останавливаясь перед варварскими методами борьбы против варварства». Ливен подвергает критике этот шаблон. На деле политика Петра способствовала открытости России для западных идей и иммигрантов, а сталинская политика привела к созданию самодержавного монолитного общества, пронизанного ксенофобией и закрытого для внешнего влияния. Более обоснованна параллель между эпохами Александра II и М. Горбачева — инициаторов второго и третьего циклов российской модернизации⁸. В обеих эпохах либеральные принципы ассоциировались с благосостоянием, прогрессом и силой.

По русским стандартам Александр II и Горбачев считались либеральными модернизаторами. Главными элементами реформ было стремление уважать право, большая свобода слова и освобождение народного экономического потенциала от оков крепостничества и командной экономики. Но тот и другой столкнулись с проблемами, характерными для либеральных модернизаторов в условиях Российской и советской империй. Десять лет спустя после смерти Николая I влиятельные группы российской интеллигенции уже открыто призывали к свержению монархии, отказу от частной собственности и отмене института брака. Вскоре после начала реформ Горбачев тоже столкнулся с требованиями покончить с коммунизмом и распустить Советский Союз. Александр II и Горбачев стремились к частичному внедрению капиталистических принципов, но ни один из них не симпатизировал либеральным экономическим ценностям, оба опасались их отрицательного влияния на политическую стабильность и ограничили развитие свободного рынка земли и труда. Политическая стабильность до 1860-х и в

⁸ Сходство эпох определяется международной идеологической и экономической обстановкой. В 1850–1860-х гг. основным европейским мировоззрением в политике и в экономике был либерализм. В 1980-е гг. неолиберализм Рейгана и Тэтчер снова задавал тон.

1980-х гг. зависела от способности авторитарного режима создать атмосферу страха, инерционности и общественного равнодушия к политике. Реформы сверху подрывали это положение и угрожали режиму прежде всего в нерусских западных пограничных землях, где правление государства было менее легитимным, чем в центре. Реформы Александра II привели к восстанию в Польше в 1863 г. Восстания в Восточной и Центральной Европе и в нерусских республиках Советского Союза после начала реформ Горбачева сыграли главную роль в распаде советской империи.

Ливен фиксирует также последовательность в отношении государства к социальным элитам в Московском государстве XVI века и сталинском СССР. Иван Грозный и Сталин пытались создать ксенофобное, закрытое и монолитное общество, основанное на идеологической устойчивости, деспотических методах правления и терроре в отношении социальных элит. Но в конечном счете элитам удалось взять реванш⁹. Отсюда вытекает ещё одна параллель между царской Россией и СССР: большая часть политической истории страны вертится вокруг усилий совместить западные либеральные принципы с самодержавными традициями управления. Возникшие при этом трудности закончились крахом царской России. Попытки Горбачева привить советской политике западные принципы законности и демократии закончились крахом советской системы управления и распадом СССР. Горбачев и советская элита пали жертвой собственного высокомерного отношения к русской истории. Советский режим провозгласил себя провозвестником новой эпохи и отрицал свою преемственность к царскому прошлому, в описаниях которого допускались чудовищные искажения. «Если бы советское руководство лучше понимало наследственный характер проблем имперского правления в России, — пишет Ливен, — элита 1980-х годов могла бы предугадать многие из тех опасностей, с которыми ей пришлось столкнуться в годы перестройки» [Там же: 475]. Для иллюстрации возможности такого понимания Ливен сравнивает СССР с Османской империей.

Академическое чудачество или реальная проблема?

На первый взгляд, сравнение СССР с Османской империей кажется академическим чудачеством. СССР — феномен XX века, порождённый материализмом, наукой и рационализмом. Османская империя — архаичное государство, которое базировалось на религиозной концепции человеческого бытия. Османы чувствовали себя носителями имперской цивилизующей миссии. Пытались приучить кочевников к оседлому образу жизни, привить исламскую веру и культуру примитивным и еретическим народам. Секуляризация и материализм — основы западной и советской культуры — были проклятием для Османской империи. Поэтому сравнение кажется бессмысленным.

Однако Ливен фиксирует сходство российского коммунизма с исламским империализмом: оба находились на европейской периферии и для европейцев были ересью; оба были самыми крупными внешними врагами западной христианской цивилизации; оба были универсальными религиями, открытыми для всех людей; предлагали новое понимание и назначение человеческого существования; оба имели собственный стиль архитектурного и городского планирования; оставили след в семейных отношениях, поведении, обычаях, верованиях,

⁹ Дворянство к концу XIX века уже не беспокоилось о сохранности своей собственности и обладало практически полной личной безопасностью. Советская элита после смерти Сталина быстро забыла об ужасах террора и при Брежневе пользовалась всеми благами и преимуществами власти. Модернизация и конкуренция с Западом требовали открытости России для западных идей. Российская и советская элиты усваивали некоторые западные ценности и образ мыслей. Они также получали возможность для сравнений с Западом и делали вывод из этих сравнений: западные элиты были гораздо богаче и имели больше возможностей, прав и свобод. Обе российские элиты начинали испытывать законное чувство зависти.

институтах и ценностях, которые дали возможность объединения, мобилизации и воодушевления огромных людских сообществ на огромных территориях; оба перевешивали значение этнических различий и могли бы стать великолепными имперскими идеологиями [Там же: 501–507].

Существенное различие между исламской империей и СССР заключается в недолговечности последнего — срок его существования не превышает одной человеческой жизни. Причины недолговечности отражают общую мировую тенденцию ускорения изменений в технологиях и менталитете, которые могут подорвать любую политическую систему. Частный характер советской идеологии объясняется тем, что марксизм-ленинизм не давал ответа на множество гуманитарных и религиозных вопросов. Советская идеология была материалистической и не могла удовлетворить чаяния бессмертия. Еще более она была уязвима из-за расхождения теории с действительностью¹⁰. Послание ислама было направлено к сердцу каждого человека, и его труднее было фальсифицировать. Марксизм и советский марксизм-ленинизм был сух и интеллектуален. Ислам всегда оставлял место для популистского, эмоционального и чувственного толкования. Ранняя советская пропаганда (в фильмах и плакатах) была великолепной, но фашисты более эффективно использовали чувственно-иррациональные элементы индивидуальной и массовой психики.

Но ислам — религия, а марксизм — идеология. Для ислама больше всего значит истинная вера, жизнь, прожитая в соответствии с верой, а политика и экономика имеют второстепенное значение¹¹. Ни один мусульманский правитель не отважился бы бросить вызов этой вере или переступить границы, которые ещё до него были очерчены для политических действий легитимного правления. Западные учёные противопоставляли советскому тоталитаризму концепцию гражданского общества (сферу мысли и деятельности, защищённую законом от вмешательства государства). Османская концепция общества не является либеральной и демократической, но подразумевает его значительную независимость от государства, поскольку вопросы веры, семьи, правосудия, культуры и образования остаются прерогативой религиозных лидеров мусульманских общин. Отсюда вытекает, что общины христиан и евреев тоже автономны в решении этих вопросов. В османской теории и практике обширные сферы социальной жизни не были политизированы.

В этих аспектах СССР радикально отличался от Османской империи. Большевики создали и сами определили структуру первого в мире социалистического общества, включая отношения между политической, социальной и культурной сферами. Маркс был философом-материалистом и считал экономику базисом исторического развития. Ленин был марксистом, но склад его мышления был политическим. Его больше интересовало, как захватить, удержать и использовать власть для построения социализма, а затем коммунизма — цели и высшей стадии развития человечества.

Экономика и политика — сердцевина марксистско-ленинской идеологии. Эта идеология не могла допустить, чтобы какая-либо сфера общественной или культурной жизни была автономной, аполитичной, свободной от вмешательства государства. Основным назначением ле-

¹⁰ Так, вопреки предсказаниям Маркса, к 1910 году, не говоря уже о 1980-м, европейский капитализм вовсе не привёл к сказочному обогащению небольшой группы людей и к страшному обнищанию и готовности к революции подавляющего большинства населения континента. Точно так же ленинское предсказание о неизбежности войны между капиталистическими державами и окончательном триумфе социализма не выглядело убедительным в 1985 году, когда к власти пришёл Горбачев, предпринявший переосмысление ленинской доктрины, которая при его предшественниках определяла советскую внешнюю политику.

¹¹ Например, несмотря на вековое существование исламской монархии, ничто в исламской вере не указывает на то, что монархия является лучшей формой правления для исламских народов. Более того, к моменту возникновения Османской империи в XV веке исламская цивилизация уже существовала три четверти тысячелетия. Глубоко укоренились истинная исламская вера и легитимные законы и обычаи мусульманского общества.

нинского государства было преобразование традиционного общества и культуры в современное социалистическое сообщество. Османская империя отдала на откуп христианским и еврейским миллетам верования, семейную жизнь, правосудие, культуру и образование. В советском проекте модернизации эти сферы считались определяющими и должны были находиться под контролем государства. Советский режим никогда не смог бы принять модернизированную форму османского миллета или османскую концепцию институционального мультикультурализма. Большевики создали образ единого, огромного, интегрированного, индустриализованного социалистического общества.

Однако Ливен обращает внимание на чрезвычайно важный аспект сходства политических механизмов СССР и Османской империи. Российский и тюркский народы на протяжении большей части времени существования империи не имели возможности выбирать во власть своих представителей, а имперская правящая элита не была ответственна перед народом имперского центра. Она преследовала собственные интересы, которые выдавала за интересы империи. Члены имперской элиты могли происходить и не происходить из основного народа империи, проявлять и не проявлять заботу о его культурных и экономических нуждах¹². Но в любом случае российско-советские и османские элиты находились от народа намного дальше, чем в западных странах. Отделение элит от народа связывает различные эпохи Османской и Российской империи/СССР.

Поэтому в последние десятилетия Османской и советской империй многие турки и русские не видели в них «свою» страну. Руководящие кадры обеих империй все больше состояли из представителей основного народа, обе империи могли считаться защитницами русских и турецких интересов от внешних врагов, а имперская идеология утверждала, что русским и туркам уготованы главные места в мировой политике великих держав. Но отношения основных народов и империи всегда были двусмысленными¹³.

¹² Например, в большевистской элите первого призыва преобладали евреи и поляки по происхождению и космополиты по культуре. В политике они были «марксистами-интернационалистами» и враждебно относились к традиционным русским ценностям и элементам русской политической идентичности. К концу брежневского правления в элите стало гораздо больше русских по происхождению, что отчасти было результатом огромной социальной мобильности, характерной для сталинской эпохи. Но эти русские высшие партийные чиновники имели за плечами десятилетия работы в партийном и государственном аппарате и, отгороженные в буквальном смысле забором от остального русского общества, вели привилегированное существование. Они дальше отстояли от своего общества, чем представители политических элит на Западе, поскольку им не приходилось заботиться о своем переизбрании, а также потому, что их привилегированный образ жизни при социализме никогда не был полностью легитимным и его лучше всего было прятать подальше от глаз народа. В период расцвета османская элита, часто нетюркская по происхождению и объединяющая в себе элементы исламской, арабской и персидской культуры, была ещё более далека от простых турок. Турецкий язык османского двора был мало понятен анатолийскому крестьянину, и имперская элита использовала термин «турок» в значении «мужик», «деревенщина».

¹³ Простые русские люди имели все основания сомневаться в том, что их империя служит народным интересам, поддерживая коммунистические режимы в Восточной и Центральной Европе при помощи российской нефти и газа или тратя огромные суммы на соперничество с Соединёнными Штатами в области вооружений и освоения космического пространства, а также поощряя международное коммунистическое движение. Кроме того, для многих русских мысль о том, что они живут в империи, была неприемлема именно потому, что, будучи убеждёнными марксистами-ленинцами, они считали, что империя обогащает народы метрополии, в то время как советская империя требовала от России только все новых и новых жертв. Простые турки имели ещё больше оснований считать себя жертвами, а не бенефициантами империи. Налоги и рекрутские наборы лежали на обнищавших анатолийцах даже более тяжким бременем, чем на русских, и нельзя было понять, какую выгоду преследует турецкий крестьянин, защищая османское правление на христианских Балканах или в арабских провинциях.

Резюме

Вернёмся к вопросу о политической бездарности. Уместно напомнить, что проблема бездарности Николая II и политической бюрократии России поставлена М. Вебером в статьях о русской революции, столетний юбилей которой будет вскоре отмечаться [Вебер 2007]. Развивая эту идею М. Вебера, я тридцать лет тому назад показал, что бездарность входит в состав мысли и действия политической бюрократии (наряду с эпигонством, макиавеллизмом, эмпиризмом, волонтаризмом, прагматизмом и интеллигентским самомнением). Прошедшие годы это подтвердили. На протяжении немногим более двадцати лет власть последовательно превращала в карикатуры либерализм, демократию, консерватизм, евразийство, патриотизм и любые другие ценности, которые она же официально провозглашала. Значит, проблема сводится к выявлению и описанию бездарности в деятельности всех лиц, когда-либо подвизавшихся на отечественной политической арене. Между тем мне не приходилось встречаться с обилием литературы, в которой была бы показана мера бездарности лениных, сталиных, хрущёвых, брежневых, черненковых, андроповых и горбачевых на всех уровнях аппарата власти и управления. В мемуарной и научной литературе пока преобладает тренд выяснения сравнительных достоинств больших и малых политических бездарей. Пишу эти фамилии вполне сознательно с малой буквы, поскольку Россия до сих пор не преодолела персонализацию политических режимов. Значит, критерий бездарности можно предъявить в отношении всех политических решений, принятых руководством СССР на протяжении всего времени существования советской власти. Для этого надо выявить и систематически описать все альтернативы, которые выдвигались при принятии данных решений, и оценить сравнительные достоинства данных альтернатив с учётом тех последствий, к которым привели принятые решения.

Работа Ливена помогает уточнить общую характеристику государственного разума как следствия глубокого противоречия между обществом и государством и форму проявления бюрократизации государства. Сообразно закону иерархии существует строгий порядок руководства и подчинения, базирующийся на разделе прав, обязанностей, компетентности каждого лица и уровня. Чиновники низших административных уровней, сталкивающиеся с реалиями социальной действительности и управленческого процесса, могут фиксировать противоречие между действительностью и принципами управления. Но они не обязаны оценивать пригодность принципов. Высшие уровни доверяют служебному разумению нижестоящих и не входят в частности управленческого процесса. Поэтому причины бедственного положения в отдельной части страны, групп населения страны или страны в целом полагаются вне сферы государственного управления.

Принцип иерархии способствует вертикальной изоляции различных уровней и горизонтальной изоляции идентичных уровней, поскольку они составляют особые звенья управленческого аппарата. Следствие изоляции первого типа — извращение действительности, следствие изоляции второго типа — затруднение общения между различными звеньями административной машины. В итоге блокируется возможность исправления ошибочных действий, мнений и извращающих восприятие стандартов мышления. Закон иерархии образует основной элемент государственного разума.

В результате действия этих элементов в деятельности аппарата власти воспроизводится постоянное противоречие между действительностью, принципами и процессами государственного управления. Как правило, государственная администрация не только не может разрешить это объективное противоречие, но и осознать его. Все указанные элементы входят в состав осознания и реализации государственных интересов всеми звеньями государственной машины и причастными к ним лицами. Поэтому власть отожде-

ствяет собственную бюрократизацию с укреплением государства. Необходима разработка и отбор концепций, которые позволяют поставить под вопрос указанное тождество.

Эту задачу помогает выполнить труд Ливена. Он показал, что теория и практика революции, а также политическая практика советской власти являются иллюзиями. Противоречия между общим проектом построения социализма и реальной политикой возникли на второй день после взятия власти большевиками в России и усиливались по мере появления других центров власти (югославские и китайские коммунисты тоже вдохновлялись этим проектом). На деле советская власть руководствовалась традиционными имперскими принципами территориальной экспансии и силы. Теория и практика революции в России связаны с практическим национализмом и оптимистическими иллюзиями. Указанные мотивы действия обесмысливают борьбу между «красными» и «белыми» внутри России и между коммунистами и нацистами вне России. Но осознание этой проблемы пока делает первые шаги [Попов 2011]¹⁴.

На протяжении XX века руководители Российской империи и СССР (Николай II и Сталин) дважды совершали стратегические ошибки во внешней политике: Николай II в 1914-м, Сталин в 1939-м г. Результатом этих ошибок были революции и войны, громадные человеческие потери. Но ни тот, ни другой решили фундаментальную проблему сохранения империи. Советский режим унаследовал от царской славянофильской интеллигенции антизападные настроения и превратил их в догму.

Все циклы модернизации страны на протяжении последних трехсот лет были инициированы сверху руководством России с целью конкуренции с великими державами Запада. Все закончилось поражением и окончательным откатом России в группу стран третьего или второго мира [Ханна 2010]. Военные победы России над странами Запада (отечественные войны 1812 г. и 1941–1945 гг.) легитимизировали воспроизводство таких социальных институтов и традиций, которые лишали социальные элиты и политических лидеров стимулов жертвовать личными интересами и материальным положением ради будущих реформ. У политических руководителей России/СССР на протяжении XX в. отсутствовали элементарные способности предвидения собственных действий. По отношению к данным фигурам и их действиям полностью подтверждается квалификация суверенитета как средства блокировки искусства государственного управления, а государственного разума как элемента бюрократических отношений между государством и обществом.

Существует сходство между проблемами царской и советской империй. Оно определяется международной идеологической и экономической обстановкой, в которой приходилось действовать политическим руководителям страны. Александр II и Горбачев могут считаться либеральными модернизаторами только по русским стандартам. В этих стандартах образ и практика политической стабильности зависит от способности предшествующего реформам авторитарного режима создать атмосферу страха, инерционности и общественного равнодушия к политике.

Большая часть политической истории России вертится вокруг усилий совместить западные либеральные принципы с самодержавными традициями управления. Эти усилия пока не привели к результату, поскольку не смогли преодолеть имперское наследие ради осуществления реформы. Советский режим приложил огромные усилия, чтобы зачеркнуть российское прошлое и уничтожить традиционные основы русской идентичности — церковь, самодержавие и национализм. Он не смог этого сделать, но взял на вооружение военно-патриотические традиции царской России, культуру и язык, не освободив их от имперских миссионерско-цивилизационных амбиций.

¹⁴ В десятитомном цикле книг Г.Х. Попова под общей рубрикой «Мне на шею кидается век-волкодав. Переосмысление судеб России в XX веке» показано тождество советского и нацистского вариантов государственно-бюрократического социализма.

Учёт данных амбиций важен для понимания множества моментов сходства и различия СССР с Османской империей. Самым важным аспектом сходства СССР с Османской империей является господствующая роль отношений власти-собственности. Российский (советский) и тюркский народы на протяжении почти всего времени существования империи не имели возможности выбирать во власть своих представителей, а имперская правящая элита не была ответственна перед народом имперского центра. Отделение элит от народа связывает различные эпохи российской империи. В последние десятилетия Османской и советской империй многие турки и русские не видели в них «свою» страну.

Анализ сходств и различий между царской Россией, СССР и Османской империей нужен для того, чтобы при проведении реформ выработать механизмы противодействия всем прямым и косвенным элементам такого сходства с одновременным преодолением всех свойств советского режима. Но ни один политический деятель СССР/России не смог этого достичь. Россия до сих пор не смогла догнать развитые страны Запада. Поэтому пропаганда военных побед России над странами Запада является разновидностью политической лжи. Все три попытки российской/советской бюрократии осуществить модернизации закончились поражением.

Этот вывод Ливена можно переформулировать: речь может идти о поиске способов отказа современной России от царской идентичности, от советской идентичности и от всех перечисленных способов связи советской идентичности с царской. XX век доказал бездарность и эпитонство политических лидеров России. Все циклы модернизации России закончились поражением, несмотря на промежуточные военные победы. Россия до сих пор не смогла догнать развитые страны Запада. Это свидетельствует о крахе всех попыток осуществить в России революции, реформы и модернизации сверху.

Вебер М. 2011. *О России: избранное*. — М.: РОССПЭН.

Глазычев В.Л. 2011. *Город без границ*. — М.: Издательский дом «Территория будущего».

Каутский К. 1922. *От демократии к государственному рабству*. — Берлин: Изд. журнала «Социалистический вестник».

Ключевский В.О. 1987. *Сочинения. В 9 т. Т. 1*. — М.: Мысль.

Концепция национальных интересов... 1996. Концепция национальных интересов: общие параметры и специфика. Материалы круглого стола. — *Мировая экономика и международные отношения*. — № 7.

Краснов М. 2006. *Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа*. — М.: Фонд «Либеральная миссия».

Ливен Д. 2007. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. — М.: Изд. «Европа».

Люксембург Р. 1991. *О социализме и русской революции*. — М.: Мысль.

Макаренко В.П. 2015а. Государственные интересы в контексте бюрократического господства. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 3.

Макаренко В.П. 2015б. Государственные интересы в контексте бюрократического господства: концепт Мишеля Фуко. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4

Макаренко В.П. 2000. *Проблема общего зла: расплата за непоследовательность*. — М.: Вузовская книга.

Макаренко В.П. 2016. Русский государственный разум с точки зрения османо-русской имперской компаративистики. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 3.

Мишель Фуко... 2016. *Мишель Фуко: субъект настоящего*. — Доступно: <http://www.philos.msu.ru/node/601>. — Проверено: 14.10.2016.

Национальные интересы... 1997. Национальные интересы и политические реалии современной России: заочный круглый стол. — *Полис. Политические исследования*. — № 1.

Национальные интересы... 1996. Национальные интересы России и реальные приоритеты государственной политики за полтора века: круглый стол. — *Отечественная история*. — № 6.

Нуреев Р.М. 2006. *Власть—Собственность в современной России как проблема зависимости от траектории предшествующего развития*. — Доступно: <http://ecsocman.hse.ru/iconf/16207376/index.html>. — Проверено: 4.10.2016.

Олейник А.Н. 2012. Право на когнитивное сопротивление и его реализации (о новой книге В. Макаренко). — *Общественные науки и современность*. — № 6.

Подорога В. 2015. *Время После. ОСВЕНЦИМ и ГУЛАГ: мыслить абсолютное Зло*. — М.: lettera.org. Издательство «Логос».

Попов Г.Х. 2011. *Сорок первый — сорок пятый: одна война или три? 2-е издание, переработанное*. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве.

Семенов Ю.И. 2008. *Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России*. — М.: Волшебный ключ.

Хайтун С.Д. 2016. *Номенклатура против России: эволюционный тупик*. — М.: ЛЕ-НАНД.

Ханна П. 2010. Второй мир. — *Вступ. статья В.Л. Иноземцева*. — М.: Издательство «Европа».

Хиршман А. 2012. *Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа*. — М.: Изд. Института Гайдара.